

О.Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
stepanova67@mail.ru

**ДАННЫЕ ФОЛЬКЛОРА О ПРОИСХОЖДЕНИИ
СЕЛКУПСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА**

O.B. Stepanova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) RAS, Saint Petersburg, Russia

THE DATA OF FOLKLORE ABOUT THE ORIGIN OF THE SELKUP REINDEER

ABSTRACT: The origin issue of Selkup reindeer occupies a special place in Russian Siberian study and, as a rule, is put in the context of the West Siberian ethnogenesis [Gemuev, Pelikh, 1974; Prokofiev, 1976; Kozmin, 2003; Golovnev, 2005]. In this study, the author will not break the tradition, but will try to consider the origin of reindeer in the northern Selkup and its full perspective — based on folklore, which has not been made yet by none of the researchers. The main part of published Selkup folklore texts, which involve reindeer, quite large, but the author's appeal to this topic became possible only after her field work in particular eight expeditions to the Tazovsky and Turukhansk Selkup — during such expeditions, missing items for the comprehensive review of material were collected. As a result of an analysis of folklore texts that are related to the theme Selkup reindeer, the following methods of appearance Selkup reindeer were identified: Selkups get reindeer as a trophy in the wars with the Nenets; Reindeers are bestowed to Selkups from above, but through a competition with the Nenets; The poor fisherman-hunter acquires reindeer, by

tricking they take them from the rich and greedy kinsman; Reindeer are bestowed to hero-Selkup by magical character acting as a spirit herders' neighbors, with whom hero had marital ties. The study confirms the well-known idea that reindeer and reindeer husbandry have been borrowed by Selkups, who came north from neighboring nations, primarily from the Nenets.

Вопрос происхождения селькупского оленеводства занимает в российском сибиреведении особое место и, как правило, ставится в контекст проблемы западносибирского этногенеза [Гемуев, Пелих, 1974; Прокофьева, 1976; Козьмин, 2003; Головнев, 2005]. В настоящем исследовании автор не станет нарушать сложившуюся традицию, но попытается рассмотреть вопрос происхождения оленеводства у северных селькупов в оригинальном ракурсе — по материалам фольклора, чего до сих пор не делал ни один исследователь.

Корпус опубликованных селькупских фольклорных текстов, в которых фигурируют олени, довольно большой, однако обращение автора к данной теме стало возможным лишь после того, как в ходе ее полевой работы — восьми экспедиций к тазовским и туруханским селькупам — были собраны недостающие для всестороннего рассмотрения вопроса материалы. В результате анализа фольклорных текстов, относящихся к теме селькупского оленеводства, были определены следующие способы появления у селькупов оленей:

1. Олени достаются селькупам в качестве военного трофея. Об этом способе обзаведения оленями напрямую говорится в селькупских военных сказках: селькупы ведут жестокие войны с ненцами из-за рыболовных и охотничьих угодий, оленей и женщин. В этих сказках все время повторяется, что у селькупов раньше не было оленей, а ненцы (*хандьяры*) — богатый народ, у них оленей много.

«[...] Тут-то селькупы перестреляли всех *хандьяров*. Только кровь их стекала в речушку. От этого вода в ней стала красной. Потом эту речку стали называть *Вэярмо*, от ненецкого слова *вэя*, что означает «кровь».

Оставили несколько *хандьяров* для того, чтобы они похоронили убитых, отобрав луки и стрелы и забрав с собой все, что досталось. Затем они расспросили, где находятся стада оленей *хандьяров*. Их они перегнали поближе к своим стойбищам.

Обзаведясь оленями, селькупы стали жить богато [...]. После боев завоеванные олени становились собственностью победителей. Раньше у селькупов не было оленей: они все больше рыбачили» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 22-23].

«[...] Долго чужеземцы будут искать дорогу назад. Далеко от чума завел их охотник. Сам домой вернулся. Не пришлось ему блуждать по лесу. Он для него как дом родной. Легко нашел дорогу. Радостно его встретили свои. Никто не пострадал, все живы остались. Быстро свой чум разобрали и на оленьих упряжках непрошенных гостей далеко уехали от этих мест. С тех пор, как гласит молва, у селькупов олени появились. Давно это было. Никто не помнит, когда» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 68-69].

В некоторых текстах эквивалентом этническому названию «ненцы» служат слова «враги» или «оленные люди», о приходе ненцев селькупы узнают по следам оленей на снегу.

«Когда селькупы и ненцы воевали, в Часельке были места богатые дичью, рыбой и ягодой. И эту территорию не могли поделить. У селькупов в чуме тогда всегда была яма. Когда темнело, женщины и дети собирались и прятались в яму. К вечеру всегда кто-то должен был приехать. Тот заходил, видел, что никого нет, и уходил. Щелкали кедровые орешки, потому что звук при этом был, будто вода капает, — т.е. будто в чуме нет никого. Потом выходили — все кругом черно было, значит приходили оленные люди, олени натаптывали вокруг. И тропинка шла, по которой они ушли» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 2189, с. 10].

В военных сказках прославляется селькупский герой, он, как правило, превосходит врага в методах — в хитрости или ловкости, скорости, совершенстве шаманских техник. Самая известная сказка на эту тему — «*Немай Поркы Ира*» («Старик Заячья Парка»), где немощный старик хитростью побеждает отряд ненцев и улучшает благосостояние своей семьи, обзаведясь новым чумом и оленями [Степанова, 2012, с. 21].

2. Олени даруются селькупам свыше, но через некое состязание с ненцами, причем ненцы выигрывают это состязание и им достается больше оленей.

«Селькупы на оленью дорогу чум из бересты поставили, а ненцы из оленьих шкур чум поставили. Олени бересту потоптали и через селькупский чум прошли, а где шкуры были, задержались. Поэтому у ненцев оленей больше» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 2123, с. 11].

«Дедушка селькупский и дедушка ненецкий ненавидели друг друга. Они раньше воевали. Их начальники устроили соревнование. Забили оленя. Самый старый, знатный и богатый из ненцев и такой же из селькупов стали соревноваться. Съели мясо, взяли косточку с ноги оленя и стали каждый к себе тянуть (пальцами по столу каждый к себе тянул). Ненец победил, с тех пор у ненцев оленей больше» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 2189, с. 6].

Данный способ содержит недвусмысленное указание на то, что селькупское оленеводство имеет зависимость от ненецкого. Тексты этой группы более мифологизированы, в них читается мотив судьбы и предопределения свыше.

3. Третий способ выделяется из сказок, в которых бедный селькуп, рыбак и охотник *Ича* обзаводится оленями, хитростью отнимая их у богатого и жадного сородича. Этим богачом может выступать владеющий большим оленьим стадом старик *Колза-ира* [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 41-43] или князь *Кольсэ*, имеющий в подчинении «богатых оленщиков» [Аш, 1929, с. 46-48]. Хитрый *Ича* сам становится обладателем оленей или, заняв место князя, обеспечивает «хорошую» (т.е. с оленями) жизнь своему народу. Может показаться, что здесь отражен лишь факт социального расслоения и классового антагонизма среди селькупов. Но, если сравнить эти сказки с военными, в них также описывается типичный для селькупов способ обзаведения оленями путем отнятия их у кого-то не столь отдаленного. И нет смысла делать акцент на том, что какая-то часть селькупов на момент сказочного действия уже была знакома с оленеводством. Эти сказки воссоздают один из способов распространения и освоения оленеводства в селькупской среде.

4. В следующей группе сюжетов олени даруются селькупам волшебными персонажами — просто так или за правильное поведение.

В сказке-мифе «Заяц и лягушка» заяц «перегоняет» оленей людям «из жалости»: «Сани на себе ташат, посуду, постели, — чтобы на оленях они каслали, охотились, жили бы, где хотели». Лягушка безуспешно препятствует действиям зайца [Степанова, 2012, с. 6]. Вероятнее всего, живущие вместе Заяц и Лягушка выступают здесь тотемными животными двух фратрий одного народа. Если вспомнить, что Лягушка — «родной» персонаж для селькупского фольклора, а Заяц в селькупском фольклоре почти не встречается, можно высказать соображение о том, что Заяц в этом тексте выступает первопредком каких-то родов, соседей селькупов, знавших оленеводство и имевших с селькупами брачнородственные связи. Следовательно, текст сообщает, что оленеводство пришло к селькупам от соседей. Здесь нужно заметить, что победители-холостяки в селькупо-ненецких войнах брали в жены женщин побежденного противника, о чем говорится в военных сказках, поэтому брачнородственные связи между ненцами и селькупам, вне сомнения, были реальностью.

В другой сказке этой группы бедный селькуп обзаводится оленями, получая их в подарок от *лоза* — черта (духа), которого он встречает на рыбалке. Симпатизируя тому, как рыбак заботится о своей матери, черт приглашает рыбака в свой чум, хорошо угощает его и на прощанье дарит волшебный «ящичек». Выполнив условие не открывать «ящичек» по дороге, рыбак открывает его, придя домой, и из ящичка появляются олени. Богатый и жадный брат рыбака, позавидовав его подарку, отправляется к черту, получает от того такой же «ящичек», но нарушает наказ и открывает его по дороге, оттуда выскакивают волки и съедают тех оленей, которых он имел прежде. «Так старший брат стал бедным, а младший богатым» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, с. 30]. Сказка содержит мотивы социального неравенства и вознаграждения за добродетель. Однако интереснее другое: образ *лоза* — черта может быть прочитан как образ родственника героя, принадлежащего другой половине народа (фратрии), что характерно для селькупских сказок о противостоянии героя и черта. Следовательно, олени были дарованы бедному рыбаку божеством того рода оленеводов, с которым род рыбака имел брачные связи.

В сказке «Крылатый человек» говорится о том, как один рыбак-охотник вылечил крылатого человека-духа, когда тот обратился к нему за помощью. Чтобы кормить больного, рыбак забил всех своих оленей. Поправившись, волшебный дед отблагодарил бедного селькупа.

«— В чуме дверь открой и смотри на дорогу, на меня не смотри, не оборачивайся на меня, а то плохо будет, смотри туда, где на оленях ездят. Когда оленей тебе хватит, скажи, но не поворачивайся. А у него, старика, в руках ящичек был, маленький такой. Он двери открыл и стал смотреть на дорогу. Смотрит, — олени появляются, много-много — рыжие, белые, черные, пятнистые, всякие, разные — идут, идут, идут. К нему в чум идут. Тот не поворачивается. Удивился, опешил, столько оленей. — Откуда, — говорит. — Хватит мне столько оленей. Олени перестали прибывать» [Степанова, 2012, с. 8-9].

Этот текст созвучен предыдущему, оленей дарует герою *лоз* — дух, обладающий магическими способностями, олени появляются из волшебного «ящичка», открывание которого сопровождается условием «не смотреть». Герой вознаграждается за его добродетели. Если учитывать идентичность сказок, то крылатого человека также можно рассматривать как родового духа какого-то из оленеводческих родов соседних народов. И не имеет значения, что у селькупов на тот момент, который описывается в сказках, уже были олени. Сюжет всех сказок этой группы один — оленеводство было подарено селькупам духами соседних народов.

К сказкам данной группы относится также текст «Как хорошие люди беднякам помогли». Он имеет похожий сюжет: бедным старикам-селькупам, жившим рыбалкой и охотой, дарят оленья стада новые соседи. Этим соседям текст не дает никакой детализации. Ценность и оригинальность текста в том, что в нем описывается, как старики «изобретают» селькупский тип оленеводства — вольный выпас. То есть схему появления оленеводства у селькупов можно представить так: олени достались селькупам от соседей, а способ вольного выпаса они изобрели самостоятельно.

«[...] Стали они советовать, где держать оленей. Старуха предложила отвести их в лес, в небольшую тундру. Взял старик веревки, сплетенные из сети, и увел оленей туда, куда показала ему жена. Несколько оленей, однако, привязал к невысоким деревьям так, чтобы веревка вокруг крутилась, и оставил их. Через несколько дней он развязал оленей, а сам ушел в чум. Прошло пять лет. Старик решил посмотреть, что стало с оленями. Пришел на то место, где их оставил, смотрит: там пасется целое стадо» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, № 1870, С. 26-27].

Итак, анализ селькупских фольклорных текстов «олeneводческой» тематики, подтверждает уже известную мысль, что олени и оленеводство были заимствованы пришедшими на север селькупам от соседних народов, в первую очередь, от ненцев. В рассмотренных автором текстах олень выступает источником и критерием материального благополучия человека, но не имеет самостоятельного образа. Между тем в ряде фольклорных текстов олени являются действующими персонажами и воплощаются в художественных образах. Это шаманские олени-духи. Однако и они обнаруживают вторичность: шаманские олени-духи родились от небесного духа, имевшего облик человека-коня с железными ребрами [Прокофьева, 1976, с. 155; Пелих, 1998, с. 35-37], что также подтверждает заимствование селькупам олени из других культур.

Список литературы

1. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 1870. 71 с.
2. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 2123. 36 с.
3. АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 2189. 13 с.
4. Аш М. Крошечный мудрец — Ичечокко // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 6. С. 46-48.
5. Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство // Советская этнография. 1974. № 3. С. 83-95.
6. Головнев А.В. Происхождение и этническая история // Ненцы. Народы Западной Сибири. М., 2005. С. 398-410.
7. Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб. 2003. 235 с.
8. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
9. Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. М., 1976. С. 139-155.
10. Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2012. Вып.12. С. 5-31.